

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

на, полная скрытой горечи. Так и уходит он ни с чем, человек, прозвев а в ш и й свое счастье, разменяв в ш и й жизнь по мелочам...

Но перелом в его душе все же произошел. И это ясно дает понять артист.

Таков Аркадьев в драме. Когда вспоминаешь его в роли Шварца, невольно задумываешься, не это ли главная тема творчества артиста? Но тут же на память приходят другие роли, совершенно непохожие на эту. Например, директора театра Ходунова в водевиле «Кресло № 16». И перед нами совершенно иной артист, легкий, пластичный, тонко чувствующий стиль пьесы. Водевиль требует отточенной техники, непринужденной комедийности. Все это великолепно демонстрирует в роли Ходунова Аркадьев.

Рамки артистического диапазона Аркадьева просто невозможно определить. И это еще одна характерная черта многогранного таланта артиста. Он играл и играет много и интересно (в том числе и в кино), но это не значит, конечно, что вся его творческая жизнь состояла из одних триумфов. Были и серые «проходные» роли, от которых ни сам артист, ни зрители не испытывали удовлетворения. Были и просто неудачи. Их мало, но они были, и Аркадий Иванович рассказывает об этом с присущим ему юмором:

— У меня как-то не получаются отрицательные персонажи. Не выходят, и все! Или я делаю их положительными, за что от критики изрядно влетает, или же начисто заваливаю. Как вспомню эти «заваленные», мороз по коже подирает. Кому приятно, когда всех в спектакле хвалят, а о тебе пишут, что ты вносишь диссонанс. В горьковских «Врагах», например, я «успешно» провалил роль Скроботова, а в «Грозе» — Бориса... Тоже «этапы пути», — смеется Аркадьев. — Нет, видимо, не рожден я для ролей отрицательных!..

Эта деталь творческой биографии артиста, мне кажется, в какой-то мере еще ярче оттеняет природу его дарования: оно оптимистично, жизнеутверждающе в своей основе, отсюда, видимо, и внутреннее несогласие с ущербной психологией персонажей типа Скроботова и Бориса, отсюда и неудачи. Призвание Аркадьева, артиста редкого обаяния, — поназывать лучшие черты характера человека, и именно здесь он одерживал и одерживает свои самые большие победы.

Характерно, что это, если так можно выразиться, позитивное направление творчества проявляется и в режиссерской деятельности артиста. Поставленные им спектакли (а это в основном спектакли о Советской Армии) покоряют своей солнечностью, жизнерадостностью. Взять хотя бы «Песнь о черноморцах», «Летчики», «Прошло 15 лет...», или недавних «Ракетчиков», с успехом показанных в Кремлевском театре. И здесь ключом бьет жизнь, бодрая, полнокровная. Жизнеутверждающий талант Аркадьева шедер беспредельно. И щедрость эта — источник радости для всех, кто соприкасается с его творчеством. Доставлять людям радость... Это ли не самое большое, о чем может мечтать подлинный художник!

В. ПОПОВ.

обреченному на гибель, но оставшемуся мудрым, чистым, человеческим. За его образом он увидел характеры сотен, тысяч таких, как комкор Малько, великих гуманистов нашего времени, верных сынов партии.

Жизнь — лучшая актерская школа. Это неписаное правило стало творческим кредо артиста. И с тех пор, что бы ни создавал он на сцене, опорой его были житейские наблюдения. Нет, это не было слепое, натуралистическое копирование чьих-то черт характера, повадок. Свои наблюдения артист пропускал через призму творческого воображения, что-то подчеркивал, укрупнял, что-то удалял, как искусный графический создатель драгоценности. Таким драгоценным камнем и был образ Сергея Луконина. Недаром, как писали фронтовые корреспонденты, Луконин — Аркадьев становился для всех, кто знакомился с ним в те годы, символом отваги, мужества, верности воинскому долгу. Нередко заключительные слова героя пьесы, зовущие на штурм прага, вызывали мощную реакцию зрителей — воинов. И сцена становилась трибуной патриотических митингов.

Нам, к сожалению, не довелось видеть Аркадия Ивановича в роли Луконина, как не довелось видеть его во многих ранних работах (Мотыльков в «Славе» Гусева, Шванда в «Любови Яровой» Тренева, Кристиан в «Сирано де Бержераке» Ростана, Огнев во «Фронте» Корнейчука, Фучик в «Прага остается моей» Буряковского...). Но охотно верится высокой оценке, данной актеру рецензентами, Верится потому, что в нынешний, львовский, период своей деятельности Аркадий Иванович создал десятки великолепных сценических образов. И они не только не уступают тем, прежним, но по глубине проникновения, мастерству воплощения, безусловно, превосходят их.

Автор этих строк стал недавно невольным свидетелем одного разговора. Беседовали два старых театрала. Много и интересно говорили о занковчанах, великопольном мастерстве В. Любарта и Д. Козачковского, потом перешли к театру Советской Армии. Вспомнили спектакли «Кряжевы», «Люди, которых я видел», «Оптимистическая трагедия»...

— Удивительно велика сила подлинного таланта! — говорил один из собеседников. — Взять «Оптимистическую трагедию» в театре Советской Армии. Слабый был спектакль. Никого из персонажей я не запомнил. А вот Вожака, словно живой, стоит перед глазами. Особенно в сцене, где он поет... Аркадьев сумел до конца вскрыть суть этого образа, всю его философию — и двойственность, и внутреннюю неуверенность в себе, и холодную, неумолимую жестокость...

Как это верно подмечено! Действительно, тот, кто хоть раз смотрел «Оптимистическую трагедию»,

запомнил Вожака — Аркадьева. Так было с «Любовью Яровой», где Аркадьев создал запоминающийся образ профессора Горностаева, и с «Потерянным сыном», где артист блистательно сыграл Шварца.

Ни в одной из последних работ, пожалуй, не проявился с такой полнотой драматический талант Аркадия Ивановича, как в роли дядюшки Шварца. Слово сама

А. И. АРКАДЬЕВ.

Рис. И. Евсюна.

жизнь с ее неожиданными хитросплетениями, загадками, распахнула перед нами просторные двери. Аркадьев не клеймит своего героя, не вешает на него ярлык негодяя, отделившись серией виртуозно проведенных эффектных сцен. Нет. Актер показывает всю глубину нравственного падения этого человека, вдруг узнавшего, что вся его жизнь — пшик, мыльный пузырь. Герой Аркадьева трогателен в своих глубоких душевных переживаниях. Может, это впервые за многие годы в его сердце проснулось то чистое, человеческое, что он так упорно глушил. И эта искренность как-то особенно сильно подчеркивает мразь, беспросветную муку всей его предыдущей жизни.

Сцену, где Шварц впервые узнает о том, что Петр — его сын, артист проводит удивительно эмоционально и психологически тонко. Шварц боится верить своей догадке. Целая гамма самых противоречивых чувств отражается на лице актера, и мы напряженно, боясь упустить хоть слово, деталь, следим за поединком человека с самим собой.

Но еще лучше проводит Аркадьев последний эпизод. Здесь артист достигает подлинно трагических высот. Да, это трагедия! Вот Шварц — Аркадьев прощается с сыном. Еще мгновение, и вместе с рыданием с его губ сорвется признание. А надо взять себя в руки. И вместо теплых слов — шут-

Львовская правда 20 Апр 1962

ПЕРЕБИРАЯ недавно домашний архив (нынче тридцатилетний юбилей театра, многое хочется вспомнить, освежить в памяти), Аркадий Иванович Аркадьев нашел несколько пожелтевших от времени газетных вырезок. «Перед боем», «Театр в лесу», «Спектакль о народной мести»... Эти лаконичные заголовки корреспондентов оживили вдруг в воображении забытые образы, и память, как киноленту, стала разворачивать одну за другой картины прошлого.

Пусть ярость благородная Вскипает, как волна...

Песня летела над встревоженным лесом, крепла, ширилась, казалось, поет все вокруг.

Высокий, широкоплечий мужчина в форме майора стоял в кузове грузовика и махал вслед уходящим солдатским колоннам фуражкой. Часть уходила на передовую...

Только что он жал мужественные и ласковые руки солдат, и вот — расставание. А в ушах еще набатным эхом звенят страстные, пламенные речи воинов, клявшихся в верности Родине, партии, и горячо, от всего сердца благодаривших его за то, что он показал на сцене образ настоящего советского человека, стойкого коммуниста майора Луконина: «Этот парень наш. Такому можно довериться. Спасибо!». И от горячих слов до боли сжималось сердце. «Все-таки это очень здорово, когда ты нужен людям, особенно в такое время...», — думалось майору. Он вглядывался в лица товарищей и видел, что они тоже взволнованы.

Так окончилось одно из представлений симоновской пьесы «Парень из нашего города», в которой роль майора Луконина играл Аркадий Аркадьев. А сколько их было — фронтовых спектаклей театра Юго-Западного фронта — то в лесу, под прикрытием маскировочных сетей, то прямо под открытым небом, когда сценой служили два составленных грузовика, то в сараях... И как доблестный боец, по путям-дорогам Великой Отечественной войны шел с театром Аркадий Аркадьев.

Кадр за кадром прокручивается кинолента памяти, то углубляясь в даль лет, когда он был совсем юным любителем сцены и с увлечением играл в самодеятельном театре клуба имени П. Старостина в Одессе, носившем звучное имя МАРС, а попросту — «Молодые артисты Рабочей Слободки», то восстанавливая эпизоды первых лет работы в театре Киевского особого военного округа, где ему, «зеленому» еще актеру, режиссер Б. Вершилов сразу же поручил роль комкора Малько в пьесе А. Афиногенова «Далекое».

Любопытная это была история и поучительная. Мало кто верил, что двадцатисемилетний артист сыграет большую и сложную роль Малько, а Вершилов верил. «У Малько были именно такие глаза, понимаете! — убеждал он товарищей. — А это уже много. Сыграет, посмотрите!». Репетировали упорно, кропотливо. За две недели до премьеры состоялся просмотр, и Аркадьев... провалился. Решили: с роли снять. Но не сдались режиссер с актером. Снова работа, снова неудача. Чего-то явно не хватало. А что, если?.. Аркадьев побывал в одной из клиник, чтобы своими глазами посмотреть на больных (как известно, по пьесе у Малько — саркома, от которой он умирает). И свершилось чудо — роль «пошла» Актер проникся огромной любовью к своему герою,